

Этим вечером Се Гуантина официально представили высшему обществу. Перед лицом многочисленных гостей Фу Юаньшань и Чжун Яньцзюнь торжественно объявили, что именно ему предстоит унаследовать дела обеих семей — корпорацию Фу и Капитал Чжун.

Весь банкет супруги неотступно вели юношу за собой, предлагая тосты и лично представляя его ключевым фигурам из своего окружения. Они открыто просили влиятельных старожиллов бизнеса поддержать преемника и закрывать глаза на его возможные промахи.

Се Гуантин чувствовал с их стороны искреннее уважение, а не снисходительную спесь, столь привычную для сильных мира сего. Его наконец-то приняли как равного — как своего.

Ночь давно вступила в свои права. Вернувшись после затянувшегося торжества в городскую квартиру, Се Гуантин принес с собой шлейф дорогого алкоголя. Едва переступив порог, он застал Фу Шило: тот, весь в азарте и возбуждении, увлеченно резался в приставку на диване.

Он ослабил узел галстука, впуская прохладу, и мимоходом спросил:

— Фу Шило, а домашнее задание ты сделал?

Всего за несколько дней они успели заметно привыкнуть друг к другу.

Звуки яростной виртуальной пальбы внезапно оборвались. Поспешно отложив геймпад, Фу Шило виновато осклабился:

— Гэ, ну как говорится — делу время, потехе час. Излишнее усердие только вредит здоровью подрастающего организма, тут спешить нельзя. Вот начнется учеба, и клянусь, я засяду за учебники так, что искры полетят! Через год Гарвард, Йель, Цинхуа и Оксфорд будут у моих ног, помяни мое слово!

Се Гуантин опустился на диван. Он оставался бесстрастным, но в душе лишь усмехнулся:

«Какое там «поступлю». С твоими баллами за Гаокао об этом даже заикаться смешно, не говоря уже о SAT и GPA».

Он протянул руку ладонью вверх и нетерпящим возражений тоном произнес:

— Живо спать.

Глядя на его безупречные, словно фарфоровые пальцы, Фу Шило ощутил странную робость.

Юноша, который плевать хотел на авторитет Фу Юаньшаня и Чжун Яньцзюнь, перед Се Гуантином почему-то пасовал. Поняв, что спорить бесполезно, он послушно отдал консоль.

— Тогда я пойду, гээ.

Фу Шило и сам не понимал, с чего вдруг так робеет перед Се Гуантином. Прежде-то он ни черта не боялся, всегда бунтовал против любого давления. Неужели с возрастом его хваленая смелость просто испарилась, а сам он превратился в труса?

Юноша недоумел. Он невольно прижал ладонь к груди.

«Может, сходить завтра в больницу, сделать снимок?»

Се Гуантин недоуменно посмотрел на него:

— О чем ты там задумался?

Фу Шило выпалил без задней мысли:

— Думаю, не барахлит ли у меня желчный пузырь.

Се Гуантин устало вздохнул:

—... Ты держишься за сердце.

Фу Шило оторопел и растерянно моргнул:

— Оу. Да? А где тогда желчный?

Се Гуантин, чья эрудиция простиралась далеко за пределы бизнеса, не выдержал столь вопиющей анатомической безграмотности. Отвернувшись, он ровным тоном прочитал лекцию:

— В правом подреберье. Примерно по центру под нижним краем реберной дуги.

Фу Шило выглядел крайне недоумевающим. Он принялся беспорядочно тыкать себя пальцами в разные стороны:

— Здесь? Или вот тут?

Не выдержав этих хаотичных метаний, Се Гуантин шагнул ближе и накрыл ладонь юноши своей. Мягко, но уверенно он направил его руку к нужному месту на ребрах:

— Вот здесь.

Однако Фу Шило уже не слышал объяснений. Словно под гипнозом, он заворуженно смотрел на чужие пальцы, согревающие тыльную сторону его ладони.

В ту же секунду Се Гуантин ощутил, как воздух между ними неуловимо изменился. Посмотрев вниз, он заметил их соприкасающиеся руки.

Он поспешно отпрянул и смущенно кашлянул. Обычные парни постоянно дурачатся и хлопают друг друга по плечу, но Се Гуантин всегда держался особняком и не привык к тактильному контакту. К тому же, Фу Шило предпочитал мужчин, что делало ситуацию еще более неловкой.

Ладонь Фу Шило оказалась обжигающе горячей. Даже разорвав контакт, он все еще чувствовал чужое тепло на своей коже. Чтобы унять фантомное прикосновение, он незаметно потер пальцы.

— Ты что, брезгуешь мной? — раздался тихий, уязвленный голос Фу Шило.

Се Гуантин лишь безмолвно посмотрел в потолок.

— Я вообще-то жутко чистоплотный! — не унимался тот, надувшись. — Мою руки с мылом по тридцать секунд, как хирурги перед операцией...

Доведенный до белого каления этим детским лепетом, Се Гуантин резко перебил его:

— Я брезгую не тобой, а человечеством в целом. Включая самого себя.

Фу Шило осекся. А ведь действительно: он ни разу не видел, чтобы Се Гуантин бесцельно ковырял ногти, трогал лицо или ерошил собственные волосы. Все его движения всегда были выверены и бесконечно далеки от хаотичной человеческой суеты.

Поймав на себе этот холодный, немигающий взгляд, Фу Шило нервно сглотнул:

— А, ну... тогда ладно. Вопросов больше нет.